

ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ ЧАНТУРИЯ – УЧЕНЫЙ И ПЕДАГОГ

К 90-летию со дня рождения

Владимир Александрович Чантурия родился 30 июня 1923 г. в Баку. Окончил архитектурно-строительный факультет Азербайджанского индустриального института им. Азизбекова (1942–1947). По направлению Комитета по делам архитектуры при Совете Министров СССР был направлен в Минск для восстановления разрушенных городов Белоруссии. Начинать трудовую деятельность в проектно-институте «Белгоспроект». Наклонность к научно-исследовательской деятельности привела его в строительный сектор АН БССР (1948). С 1948 по 1950-е гг. – аспирант АН БССР, в 1949 г. откомандирован в Москву в аспирантуру Академии архитектуры СССР. Его становление как ученого проходило под руководством ведущих советских зодчих А. Щусева, И. Жолтовского, В. Семенова, Н. Колли, А. Гегелло, Н. Полякова и др. В 1953 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Центры городов Белоруссии». С 1954 по 1962 г. – доцент БПИ. В 1965 г. защитил докторскую диссертацию «Исследование архитектурного наследия Белоруссии». С 1968 г. – профессор. В 1969–1988 гг. – заведующий кафедрой «Теория и история архитектуры» БПИ. Лауреат Государственной премии БССР (1980). Награжден медалями, Грамотой Верховного Совета БССР (1985).

Всю свою творческую деятельность Владимир Александрович посвятил изучению истории белорусского зодчества и эту исследовательскую страсть передал своим ученикам. Ученый прекрасно понимал, что в истории белорусской архитектуры еще слишком много белых пятен, забытых имен, не все чудом сохранившиеся архитектурно-исторические объекты получили объективную оценку. В одиночку решить этот комплекс проблем невозможно – слишком коротка жизнь.

Исследовательская работа В. Чантурия своей научной методологической направленностью опиралась на сочетание конкретно-исторического анализа и типологически-сравнительного рассмотрения архитектурного наследия Беларуси с X по XX в. Это позволило ему создать целостную систему, в основу которой положены хронологическое построение и классификация типологического ряда исторических произведений архитектуры. Следует отметить, что научные труды Владимира Александровича начиная с середины 1960-х гг. стали приобретать практическое воплощение, чему содействовало создание Специальных научных реставрационных производственных мастерских Министерства культуры БССР. История отечественной архитектуры как научная дисциплина стала отвечать и практическим задачам.

Многочисленные экспедиции и научные командировки по городам и весям страны (1954–1970-е гг.) с целью выявления и изучения памятников архитектуры, их обмеров и фотофиксации послужили основанием для написания докторской диссертации на тему «Исследование архитектурного наследия Белоруссии», которая была успешно защищена в 1966 г. Знаменательно, что научный труд В. Чантурия «История архитектуры Белоруссии» (дооктябрьский период) по своему целевому назначению в качестве учебника для вузов по специальности «Архитектура» приобрел всеобъемлющий характер.

В 1969 г. Владимир Александрович основал кафедру «Теория и история архитектуры» на архитектурном отделении БПИ, которую возглавлял с 1969 по 1988 г. Всего у Владимира Александровича было 13 учеников и последователей: Н. Будыко, Б. Горелик, М. Ерусолимчик, Н. Кожар, В. Морозов, С. Мульчевская, Л. Переверзева, Л. Прыгунова, А. Сардаров, С. Сергачев, В. Трацевский, В. Чернатов, Т. Чернявская. Впоследствии четверо из них стали обладателями ученой степени доктора архитектуры, пятеро – кандидатами архитектуры.

Прекрасно характеризовал научную работу В. Чантурия доктор искусствоведения М. Цапенко, который еще в 1965 г. отмечал, что «историки архитектуры многих стран будут внимательно изучать материалы и данные, которые представил автор. Это вызывает новое движение в сторону разработки нерешенных проблем, которых еще очень много в архитектурно-историческом наследии»¹.

Примечательно еще одно из важнейших достоинств научного труда В. Чантурия, отмеченное доктором архитектуры, профессором Н. Колли: «...исследования автора в значительной степени восполняют тот пробел, который существует в истории архитектуры Белоруссии и создает все необходимые предпосылки для составления подробной всеобъемлющей истории белорусской архитектуры»².

Характеризуя докторскую диссертацию В. Чантурия, профессор Познаньского университета Ст. Александрович отмечал, что «...исследование автора по своей значимости выходит за пределы республики. Оно является ценнейшим пособием для историков и искусствоведов Польши. Собран громадный материал, хорошо показано взаимовлияние архитектуры и искусства»³.

¹ НАРБ ф. 210, оп. 4, ед. хр. 800, л. 20

² НАРБ ф. 210, оп. 4, ед. хр. 800, л. 84

³ НАРБ ф. 210, оп. 4, ед. хр. 800, л. 41

Владимир Александрович на протяжении ряда лет был председателем научно-методического Совета по охране памятников Министерства культуры БССР, членом президиума Центрального Совета добровольного общества по охране памятников истории и культуры БССР. Он входил в состав проблемного совета «Традиции и новаторство в советской архитектуре» при правлении Союза архитекторов СССР, являлся членом региональной группы Прибалтики и Белоруссии международного Совета по охране памятников и достопримечательных мест (ИКОМОС ЮНЕСКО).

В. Чантурия входил в состав редакционного совета Белорусской советской энциклопедии, редколлегии издания «Свод памятников истории и культуры Белоруссии», бюллетеня «Памятники истории и культуры Белоруссии».

Научные труды, педагогическая и организационная деятельность доктора архитектуры, профессора В. Чантурия оставили заметный след в архитектурно-исторической науке республики. Белорусский ученый внес крупный вклад в развитие архитектурно-исторических знаний славянских народов, являясь одним из тех, кто обеспечивал отечественной архитектурной науке союзное и международное признание.

Вячеслав Чернатов

Вспоминая наставника

В общении с аспирантами Владимир Александрович не морализировал, он без каких-либо наставлений определял направление работ, а далее действовал самостоятельно. Длинных разговоров не было, кратко и образно ставилась цель, точно определялось направление последующих работ и в целом отношение к деятельности в научной сфере. Он постоянно ориентировал нас на развитие аналитического подхода к тому, чем занимаюсь. В частности, говорил, что есть немало людей, которые постоянно хвастаются тем, что им известны какие-то особо ценные факты и явления: «Полные карманы фактов. Ну и что из этого? Важно уметь этим распорядиться, понять суть каждого факта, определить его место в системе. Это самое главное, а получается не у всех».

Отмечал он особенность и отличие архитектурной науки от других направлений научной деятельности. Конечно, в шутку, но говорил: «Хорошо в технических науках – придумал новую шестеренку, что-то посчитал при этом. Вставил шестеренку в станок, и он работает, и что-то новое происходит. Там это признается как результат научной деятельности. А в архитектуре этого не бывает. Ты должен доказать, что твоя методика исследований оптимальна для поставленной цели, а поэтому выводы убедительны. Обязательно доказать, что непросто».

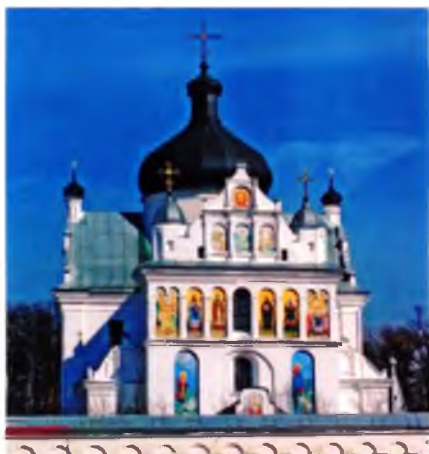
Придавал большое значение публикациям как средству пропаганды достижений культуры, в том числе и достижениям в области архитектуры. В Белорусском добровольном обществе охраны памятников истории и культуры стоял у истоков издания серии брошюр об архитектурном наследии Беларуси. Так, сотрудники кафедры получили возможность опубликовать результаты своих исследований, причем не в виде статьи в журнале или сборнике, а отдельным изданием, пусть даже в формате брошюры. В 1975 г. вышла моя работа «Летопись деревянного зодчества Белоруссии» – небольшая книжечка, всего 28 страниц. Тем не менее это было первое отдельное издание о деревянной архитектуре Беларуси и для меня, тогда еще аспиранта, стало мощным подспорьем, придало уверенности в своих силах. А вскоре вышли в свет издания В. Трацевского, Ю. Казакова, В. Чернатова и других преподавателей.

Из всех работ В.А. Чантурия наиболее ценю первое издание «Истории архитектуры Белоруссии» 1968 г. Я к тому времени уже поездил по Беларуси и многое повидал. А эта книга позволила все разрозненное и эмоционально воспринятое расставить по своим местам. Затем вышло второе издание, и в нем отмечалось мое участие в выполнении графических материалов, хотя и в первом таблиц исполнил немало, и фотографии мои в ту книгу попали. Я и сегодня горжусь тем, что мои студенческие труды сгодились для важного дела. Купил два экзем-

пляра, но их у меня вскоре унесли студенты – уже через несколько лет такой книгой они разжиться не могли.

Надо отметить, что, к сожалению, он (да и не только он) не понимал, и не его была вина, ценности архитектурного наследия конца XIX – начала XX в. Связано это было, во-первых, с идеологическими установками того времени, которые основывались на постулате, что «империализм – последняя стадия капитализма», а пото-

му все, что связано с этим периодом, в том числе и архитектуру, целесообразно характеризовать словами «упадок, произвол, крах, отрицательные последствия, антисанитарное состояние, хаотическая постановка и скученность, унылый внешний вид, дисгармония, ложный путь, творческий тупик и др.». Именно эти определения и использовались им при описании архитектуры того периода. Во-вторых, архитектурная наука тогда еще не осознала, что в истории человеческой культуры завершился период, при котором господствовали сменявшие друг друга мировые художественные направления – готика, барокко, клас-

сизм. Наступило новое время, когда можно было создавать художественные ценности, не ориентируясь на какой-то ограниченный круг приемов, а используя весь накопленный человечеством опыт. И это мы наблюдаем в современном архитектурном процессе с конца XIX в. по наше время. Владимир Александрович и мне говорил, мол, не трать время и фотопленку на архитектуру этого периода, не отвлекайся, ничего полезного для своей темы исследований там не найдешь. Сожалею, что на каком-то этапе следовал этому наставлению.

Владимир Александрович большое внимание придавал изобразительному ряду и в проектной документации, и в студенческих работах, считая, что из чертежа архитектор должен уметь извлекать гораздо больше информации, чем из текста. Именно **должен уметь** – это им осознавалось как важнейшая специфика профессии архитектора. Наверное, поэтому он всегда старался включить в свои публикации побольше иллюстраций – лично им исполненные фотографии, найденные в архивах и библиотеках акварели и рисунки мастеров прошлых веков, даже рисунки памятников архитектуры, выполненные студентами.

Сергей Сергачев

Галасы з мінулага

Беларуская архітэктурная школа 60–70-х гадоў XX стагоддзя... У краіне росквіт індустрыяльнага будаўніцтва. Вырашаюцца жыллёвыя пытанні, але ў тыпавых каробках складана знайсці нешта прывабнае. Студэнцкую моладзь вабіць творчасць заходніх архітэктурных майстроў: Райта, Карбюзье, Тангэ...

І ўсё ж нешта ўзнікае. Вось ідзе лекцыя па гісторыі беларускай архітэктуры. Гучыць голас прафесара, і сярод цемры на экране ўзнікаюць вобразы помнікаў: вось Каложжа, вось Мураванка, вось Мір, а вось барочным ліхім загібам паўстаюць мury полацкай Сафіі. Значыць, нешта цікавае ёсць і ў нас?

Гэта голас Уладзіміра Аляксандравіча Чантурыі, а гэта яго каляровыя слайды ў простых картонных рамках. А вось **наша** беларуская архітэктурная мінулага.

Прафесар ніколі не быў у сваіх прамовах усхваляваным ці надта эмацыянальным. Наадварот, калі ён тлумачыў асаблівасці архітэктуры Беларусі, падаваў іх як нешта бяспрэчнае, нават звычайнае. Тым не менш менавіта гэта прымушала нас здзіўляцца разнастайнасці і мастацкай вартасці нашай архітэктурнай гісторыі.

Аднак калі мы імкнуліся перадаць гэтыя чудаўныя традыцыі ў нашых курсавых ці дыпломных праектах, узніклі складанасці. Тут патрабаваліся іншыя крытэрыі: індустрыяльнасць у канструкцыях і інтэрнацыянальнасць па формах.

Ужо пазней, калі вучыўся ў аспірантуры, на кафедры тэорыі і гісторыі архітэктуры, якую стварыў Уладзімір Чантурыя, давялося пазнаёміцца з помнікамі значна бліжэй. Кожнае лета прафесар прымушаў (менавіта так, прымушаў) нас, маладых, ехаць у вёскі, на раёны, каб зноў і зноў знаходзіць помнікі і абмяраць іх. Не было ні лазераў, ні камп'ютэраў, а толькі цяжкая праца з рэйкамі і тэадалітам.

А яшчэ ён заклікаў удзельнічаць у дабрахвотным Таварыстве аховы помнікаў гісторыі і культуры, хадзіць на пасяджэнні, пісаць даклады і нарысы, плаціць невялікія ўзносы...

Гледзячы з працягу часоў, усё гэта здаецца, можа, і не вельмі значным. Але тады нашы маладыя галовы ўсё ж зразумелі, што мы маем сапраўднае багацце, якім з'яўляецца наша спадчына. І менавіта мы павінны берагчы і ахоўваць яе.

Таму і з'явілася наступнае пакаленне беларускіх вучоных, гісторыкаў архітэктуры: Ю. Якімовіч, А. Лакотка, С. Сергачоў, В. Марозаў...

Таму і з'явіліся пазней вялікія турыстычныя цэнтры ў Нясвіжы і Міры, куды імкнуцца трапіць тысячы людзей. А ў 1960-х, прыязджаючы ў гэтыя мясціны, бачыў можа аднаго хлопца ці дзяўчыну – сваіх знаёмых з БПІ ці з тэатральна-мастацкага...

Не, нельга адмаўляцца ад свайго мінулага, ад імён тых, хто запаліў агеньчык любові да свайго культуры і спадчыны. Не трэба забывацца пра тых, хто быў раней, хто пазнаёміў нас з гісторыяй і творами нашай архітэктуры. Адзін з іх – Уладзімір Чантурыя – вучоны, педагог, дзеяч культуры. Паклонімся яго памяці.

Армэн Сардараў